

ПОЛЕМІКА

МИХАИЛ РАШКОВЕЦЬКИЙ

ЗАМЕЧАНИЯ К РЕЦЕНЗИИ:

СОЛОНАРЬ В. ИСТОРИЯ ХОЛОКОСТА В ОДЕССКОМ РЕГИОНЕ. СБОРНИК СТАТЕЙ И ДОКУМЕНТОВ / ЕВРЕЙСК. ОБЩИН. ЦЕНТР «МИГДАЛЬ»; СОСТ. М. РАШКОВЕЦЬКИЙ. – ОДЕССА: СТУДИЯ «НЕГОЦИАНТ», 2006. – 372 с. // *ГОЛОКОСТ / СУЧАСНІСТЬ*. – 2008. – № 2 (4). – С. 125–129.

В декабре 2008 г. в научном журнале «Голокост і сучасність» была опубликована рецензия Владимира Солоняра на книгу «История Холокоста в Одесском регионе». (Далее в круглых скобках указаны ссылки на соответствующие страницы журнала «Голокост і сучасність», в квадратных – на страницы книги «История Холокоста в Одесском регионе. Сборник статей и документов»).

Выдержанная в корректном академическом тоне оценка издания в рецензии в целом является негативной. Вежливая фраза рецензента о том, что многие материалы сборника «будут очень полезны профессиональным историкам, работающим по данной теме» (с. 129), выглядит формальной данью научному этикету на фоне многочисленных замечаний, подводящих читателя рецензии к мысли о научной несостоятельности сборника. Эти замечания обобщаются в выводе о том, что «в целом сборник отражает состояние литературы на русском и украинском языке по истории Холокоста в Одесском регионе. Огромной проблемой по-прежнему остается оторванность от публикаций на Западе, в Израиле и в Румынии... Эта оторванность является результатом как отсутствия соответствующих публикаций в библиотеках региона... так и недостаточным знанием иностранных языков. Без преодоления этих проблем повышение уровня исследований темы в регионе и интеграция одесских историков в международный исторический дискурс будут затруднены» (с. 129).

Если бы мы ставили своей целью проникновение в «международный исторический дискурс», то, вероятно, вежливо поблагодарили рецензента за совет и, оставив все дела, бросились изучать иностранные языки и пополнять библиотечный фонд региона зарубежными трудами по истории Одессы. Однако наша цель была несколько иной, а именно: полнее осветить ряд спорных проблем или недостаточно исследованных тем (в том числе и в зарубежной историографии), касающихся истории Холокоста в Одесском регионе, опираясь именно на локальные источники.

В данном случае, когда, еще раз подчеркиваем, речь идет об Одесском регионе, логичнее выглядел бы упрек в недостаточном знании иностранного языка (в частности, русского) и внимании к локальным источникам в адрес «международного исторического дискурса».

Но прежде чем вернуться к неутешительному для книги выводу рецензента, обратимся к его многочисленным замечаниям.

Первое, что бросается в глаза, – это неоправданно большое внимание, уделенное В. Солонарем полемике относительно общей характеристики румынского режима И. Антонеску в материалах В. Щетникова и С. Назарии. Этой теме посвящена почти половина всей рецензии при том, что в рецензируемой книге она занимает лишь 24 страницы из 375-ти. В. Солонарь объясняет свое особое внимание именно этой проблеме тем, что из всех авторов только В. Щетников и С. Назария являются профессиональными историками, а потому и удостоиваются оценки рецензента «с научной точки зрения» (с. 125).

Не будучи профессиональным историком, отмечу, что, к сожалению, сама рецензия не вполне отвечает общепринятым критериям научности.

Так, рецензент относит к числу «важных недостатков» статьи В. Щетникова «неиспользование автором румынских источников, а также некоторых новейших исследований, прежде всего монографии Жана Анчеля...» (с. 127). Между тем, в самом очерке одесского историка полемика с некоторыми выводами Жана Анчеля относительно событий массового террора в Одессе занимает одно из ключевых мест статьи [с. 58]. Естественно, что труд Ж. Анчеля, с которым рецензент рекомендует ознакомиться В. Щетникову, указан В. Щетниковым в библиографии к очерку под номером 11 [с. 80]. Действительно, в материалах сборника есть замечание об отсутствии упомянутой книги Ж. Анчеля в библиотеках города, однако В. Солонарь, правильно указывая пагинацию [с. 6], почему-то приписывает это замечание В. Щетникову, в то время как оно высказано составителем, М. Рашковецким, во «Введении» к сборнику.

Аналогичное замечание относительно «неиспользования» В. Щетниковым книги немецкого исследователя Андрея Ангрика неубедительно, т.к., насколько

мне известно, В. Щетников был знаком с этим трудом, но не обнаружил в нем информации, которую можно было бы отнести к спорной или проблемной в контексте его статьи, а потому и не ссылался на него в своем очерке.

Далее рецензент отмечает, что не указан год проведения IV конференции «Одесса и еврейская цивилизация», для которой, в частности, был предоставлен доклад С. Назарии (с. 127), в то время как информация об этой конференции (в том числе и год ее проведения) приведена в общей характеристике материалов, вошедших в сборник, во «Введении» [с. 6]. Обусловлено это тем, что в сборник были включены не один, а пять докладов из материалов IV конференции.

Но это, как говорится, мелочи. Мы обращаем внимание на формальные, в общем-то, недочеты рецензии только потому, что в научной полемике именно такие «мелочи» иногда используются как стандартный и внешне корректный прием дискредитации противоположного мнения.

В материалах сборника есть немало действительных недочетов, в том числе и серьезных, и мы были бы только благодарны рецензенту за добросовестное и вдумчивое указание на них. И только ощущение дефицита добросовестности в рецензии заставляет нас возвращать такие «мелочи» рецензенту как своеобразную сдачу. К мелочам подобного рода мы еще вернемся, а сейчас хотим вернуться к главному.

На наш взгляд, столь пристальное внимание В. Солонаря к выраженной В. Щетниковым и С. Назарией позиции является не случайным. Рецензент не просто не разделяет эту позицию. Весь смысл рецензии, по сути, направлен на ее дискредитацию, в том числе и большинство формальных замечаний (увы, мягко говоря, небрежных) как в адрес вышеназванных авторов, так и других материалов сборника, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к общей оценке румынского режима в рассматриваемый период.

Суть позиции В. Солонаря заключается в его следующей фразе: «в самой Румынии, за исключением Северной Буковины и Бессарабии, политика "массового геноцида" не проводилась» (с. 126). Мы не будем вдаваться в дискуссию по поводу того, какой процент населения, уничтоженного по этническому принципу, укладывается в определение геноцида, в результате какой политики было инициировано уничтожение 14 тысяч евреев в Яссах, относятся ли к политике геноцида факты массовой депортации в условиях военного времени и т.п., о чем упоминает сам В. Солонарь, дающий всем этим фактам другую оценку. Оставим всю эту полемику для обсуждения румынским и молдавским историкам и другим представителям международного исторического дискурса.

Нас приводит в недоумение лишь следующая оговорка рецензента: «за исключением Северной Буковины и Бессарабии». Логика есть логика. Сделав

один шаг в эту сторону, логично сделать и следующий – собственно говоря, почему бы рецензенту не заявить, что и в самой Германии, строго говоря, политика «массового геноцида не проводилась». За исключением Генерал-губернаторства и других оккупированных национал-социалистической Германией территорий.

Возможно, в таком случае, «жестокости» по отношению к евреям Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии не представлялись бы В. Солонарю «парадоксом» (с. 126). И он смог бы легко обосновать эти «жестокости», скажем, неправильным поведением этих евреев по отношению к Румынии в период советской оккупации этих регионов в 1940 г. или (в случае с «жестокостями» на территории Транснистрии) сложными обстоятельствами военного времени, участием евреев в подрывной деятельности и т.п.

Никто не заявлял, что Гитлер и Антонеску – одно и то же. Никто не спорит с тем, что «различия между целями румынской и немецкой политики в “еврейском вопросе” были». Наша позиция состоит в том, что, при всех различиях, в такой политике были и сходства. И сходства существенные. И потому, с нашей точки зрения, действия румынского режима на территории Одесского региона гораздо точнее характеризуются категорией «закономерность», нежели «парадоксальность» или «непоследовательность» (с. 137). Точно такую же закономерность можно обнаружить и в том, что В. Солонарь в своей рецензии напоминает хорошо всем известное и действительно значительное число выживших в Румынии евреев, но забывает упомянуть количество уничтоженного еврейского населения на всех территориях, находившихся под юрисдикцией Румынии. Действительно, по логике рецензента, когда убивают всех, это, конечно, геноцид. А когда убивают, по меньшей мере, через одного?

В материалах сборника обсуждается не только сходство политики Румынии в отношении «еврейского вопроса» с политикой нацистской Германии, но и действительно существенные различия этой политики, скажем, с таким, по определению, фашистским режимом, как Италия Муссолини.

Мы не случайно вспомнили о проблеме определений тоталитарных политических режимов. Именно в этом контексте рецензент высказывает основные претензии к материалу С. Назарии: «В то время как факт виновности [румынского государства в преступлениях на “оккупированных территориях”] сомнений не вызывает, некоторые термины, используемые автором, как, например, “фашистский”, по отношению к режиму Иону Антонеску представляются неуместными» (с. 127). Далее доктор исторических наук В. Солонарь объясняет кандидату исторических наук С. Назарии, что такое фашизм: «Термин “фашизм” предполагает существование массовой экстремистской партии, на которую бы опирался режим. Ион Антонеску, хотя и попытался

управлять совместно с “Железной гвардией” (румынский вариант нацистской партии), но вскоре рассорился с ней и подавил попытку “железнодорожников” прийти к власти путем насилия» (с. 127).

Не будем вдаваться в рассуждения о специфике понятия «политическая партия» в условиях диктаторского режима. Но не могу не отреагировать на проявление очевидной научной некорректности в рецензии В. Солонаря. Если бы С. Назария ограничился простой констатацией характеристики румынского режима как «фашистского», еще можно было бы понять снисходительно-поучающий тон рецензента. Но С. Назария в начале своей статьи приводит аналогичное возражение, цитируя не В. Солонаря, а А. Петренко: «режим Антонеску не был фашистским режимом, он не имел в своей основе единую фашистскую партию» [с. 82]. Далее С. Назария достаточно последовательно и системно выдвигает аргументы, опровергая такое суждение и доказывая (а не декларируя) состоятельность своей позиции. Может быть, С. Назария и ошибается. Но в таком случае рецензент должен был бы указать на погрешности в аргументации автора, а не переводить исходный тезис одного из оппонентов С. Назарии в статус непреложной истины. Отметим, что С. Назария не только не скрывает, но и подчеркивает политическую злободневность своего доклада: «...еще более убедительными доказательствами в пользу нашего тезиса является политическая практика по уничтожению евреев и планы “этнического очищения” Румынии от “мерзавцев” и “клопов” или, выражаясь терминологией другого кишиневского историка, ныне депутата молдавского парламента от ХДНПМ, И. Варта “настоящих подонков”, “загрязняющих Кишинев”» [с. 83].

При такой постановке вопроса В. Солонарь, не разделяющий позиции С. Назарии, должен был или убедительно опровергнуть его аргументы, или корректно заявить о том, что в полемике между С. Назарией, с одной стороны, и А. Петренко и И. Варта – с другой, рецензент разделяет позиции последних как более состоятельные в научном отношении.

Не сомневаюсь в том, что В. Солонарь достаточно компетентен в вопросах взаимосвязей и различий исторического и политического дискурсов. Тем более что даже при беглом взгляде на сетевые источники обнаружить упоминания об исторических трудах В. Солонаря не очень легко, но зато об активной политической деятельности В. Солонаря, выступившего на политической арене Молдовы даже в качестве кандидата в президенты в 2002 г., сведений достаточно много. Впрочем, этот факт также не входит в нашу компетенцию и сферу интересов.

Но даже если политик В. Солонарь и рецензент В. Солонарь не одно и то же лицо, замечу, что открытое подчеркивание политических коннотаций в научном дискурсе является более корректным, нежели неаргументированные политические декларации, поданные в форме беспристрастной научной оценки.

Впрочем, надеюсь, что главная причина недостатков рецензии кроется не в политической «подоплеке», а в обычной небрежности, которая на житейском уровне понятна, учитывая объемы и нестандартность рецензируемого материала.

Понятна, но не простительна.

К сожалению, подобную небрежность рецензент проявляет и в оценке той части сборника, которая не анализируется подробно, очевидно, потому, что эта информация носит не «научный», а «архивоведческий характер» (с. 125). В. Солонарь в своей рецензии пишет о том, что «Лилия Белоусова, заместитель директора Государственного архива Одесской области, в двух материалах изложила историю архива и его фондов, а также опубликовала аннотированный перечень фондов по теме Холокост». Это, мягко говоря, неточно. Л. Белоусова не излагала в двух материалах историю архива и его фондов в рецензируемом сборнике. Ее материал (один, а не два) называется «Тема Холокоста в документах Государственного архива Одесской области: формирование и использование источников, исследователи», а структура и содержание этой статьи (включая три, а не два подраздела: «Исследователи Холокоста», «Источниковая база по Холокосту в ГАОО: история создания, приобретения и потери» и «Некоторые аспекты истории Холокоста в Одессе по материалам Госархива Одесской области») отвечает своему названию. Вероятно, рецензент не ознакомился с содержанием, но даже исходя из оглавления нетрудно уловить разницу между историей архива и его фондов и историей фондов архива, касающихся рассматриваемой в сборнике темы.

Некоторые формальные замечания В. Солонаря вполне справедливы, что, Впрочем, в большинстве случаев оговорено составителем сборника или авторами статей, к которым относятся замечания рецензента. Так, например, рецензент замечает, что коллекция периодических изданий из фондов Литературного музея фрагментарна по сравнению с собранием ГАОО и советует пополнить подборку, осуществленную зав. сектором Литмузея Л. Мельниченко (с. 128). Между тем, в сборнике Л. Мельниченко представила не «подборку» периодики, а материалы своего доклада на уже упомянутой конференции, в котором ясно указала, что «музейная коллекция одесской периодической печати – не полная» [с. 210], т.к. в данном случае не полнота представления такой периодики входила в основную задачу ее исследования. Полная же подборка антисемитских материалов из одесской периодической печати соответствующего периода потребовала бы иного издания, несколько иного формата и объема.

Можно привести всего один пример действительно серьезного недостатка, допущенного составителями и замеченного рецензентом. Речь идет об отсутствии указания на то, что оригинальные документы на румынском

языке представлены в русском переводе, и верно отмечено низкое качество такого перевода (с. 128). Однако даже такое верное и существенное замечание сформулировано весьма странным образом: «Л. Белоусова и научный сотрудник Музея истории евреев Владимир Чаплин подготовили к публикации некоторые важные румынские документы. К сожалению, правила публикации архивных материалов при этом не вполне выдержаны: некоторые внутренние документы оккупационной администрации были, очевидно, составлены на румынском языке, но опубликованы на русском. В тексте отсутствуют указания на то, кем и когда осуществлен перевод и содержит ли соответствующее архивное дело оригинал или копию документа, да и качество перевода часто вызывает сомнения» (с. 128).

Согласитесь, у читателя рецензии возникает впечатление, что замечание относится к основному корпусу опубликованных архивных документов. Это впечатление не соответствует действительности. Во-первых, к печати были подготовлены не только румынские документы, но и советские, которые мы считаем не менее важными. Во-вторых, основной массив опубликованных документов оккупационного периода был представлен без перевода. Это либо документы на русском языке, предназначенные для русскоязычного населения (от приказов, инструкций и т.п. до программ радиопередач), либо документы, перепечатанные на румынском языке (регистрационные списки, списки гетто и т.п.), часть которых полностью или фрагментарно продублированы фотографиями этих документов, либо фотографии документов на румынском языке, представленные в альбоме иллюстраций без текстовой перепечатки. И только три румынских документа из полусотни представленных мы посчитали необходимым перепечатать в русском переводе, отдавая себе отчет в недостатках (стилистических, но не содержательных) такого перевода. Речь идет о двух предписаниях 1943 г. относительно порядка передачи и распределения продуктовых посылок в гетто Транснистрии, иллюстрирующих крайне слабо описанную в русскоязычной литературе тему контактов оккупационных властей с румынскими еврейскими организациями, с одной стороны, и т.н. «еврейскими комитетами» на территории Транснистрии – с другой. Наконец, третий документ является переводом короткого донесения майора И. Попеску в марте 1942 г. в префектуру Березовского района о результатах расследования (является ребенок евреем или нет) удочерения местным жителем из с. Ивановки Стреблинским. Констатируя, что факт еврейского происхождения ребенка окончательно не установлен, И. Попеску высказывает предположение, что ребенок все-таки еврей (был найден после прохождения еврейской колонны), и, несмотря на это, ходатайствует об официальном признании удочерения. Впрочем, в характеристике этого документа в сборнике наличествует указание на то, что он представлен в переводе с румынского [с. 341].

Любопытно, что из всего массива опубликованных документов рецензент предъявил формальные претензии как раз к тем, которые свидетельствуют именно о различиях между румынской и немецкой политикой по отношению к «еврейскому вопросу», которым В. Солонарь уделил столь большое внимание в своей рецензии.

Возвращаясь к итоговому выводу рецензента, необходимо еще раз вспомнить о его оценке очерка В. Щетникова. В. Солонарь, увы, и здесь неточно определяет его основную задачу как уяснение целей и динамики румынской политики в Транснистрии. Не этому посвящена «основная часть очерка В. Щетникова», верхняя хронологическая граница которого ограничена летом 1942 года. Основную же часть рецензент как-то и не заметил, сдержанно похвалив автора в четырех строках за привлечение целого ряда мемуаров одесситов и «не лишнюю интереса попытку детальной реконструкции хронологии массовых казней в Одессе и установления мест экзекуций» (с. 127).

И не это, на мой взгляд, главное в очерке. Главное – беспрецедентный факт «потери» «международным историческим дискурсом» около 25 тысяч евреев (напомним, в основном – беженцев из Бессарабии), сожженных заживо в девяти т.н. «артиллерийских складах» на Люстдорфской дороге на территории Одессы. Мы не будем тут повторять аргументацию, приведенную в очерке В. Щетникова. Интересующиеся пусть прочитают в нашей книге. И дело тут даже не в количестве жертв. А в критическом анализе методологии «международного исторического дискурса», где как-то принято игнорировать документы советской ЧГК и десятки или даже сотни свидетельских показаний при расхождении этой информации с архивными немецкими или румынскими документами. Ну нет таких документов в немецких и румынских архивах. Значит, и не было сожжения. Не было в этом месте уничтожения 25 тысяч женщин, стариков, детей, чьи кости до сих пор не дают возможность спокойно осваивать этот участок современным бойким застройщикам¹.

Автор рецензии позитивно оценивает мемуары бывшего узника Доманевского гетто Леонида Дусмана (на наш взгляд, одного из самых компетентных экспертов по вопросам истории Холокоста в Одессе), однако замечает, что

¹ Одним из примеров такой «потери» может служить книга: *Арад II. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945)*. – Днепропетровск: Центр «Ткума»; Москва: Центр «Холокост», 2007. – 816 с. На презентации этой книги в Одессе директор Центра «Ткума» И. Щупак объяснял задержку издания русского перевода известного труда авторитетного израильского историка тем, что Ицхак Арад очень тщательно сверял информацию в этой книге с последними по времени источниками, стремясь внести в нее все необходимые уточнения и исправления. Однако эпизод с массовой казнью в артиллерийских складах на Люстдорфской дороге в Одессе и в этой книге не приведен.

его очерк «Холокост на Одессине» «лишен научного аппарата» (с. 128). Это правда – Л. Дусман не является профессиональным историком. Так же, как и Лев Думер, который, живя в Сан-Франциско, проводил объемную исследовательскую и популяризаторскую работу по изучению истории Холокоста в Одессе (в том числе и в связи с историей Люси Калики, упоминаемой в рецензии, в поисках свидетелей для присвоения звания «Праведников народов мира» проф. Е. Шевалеву и его сыну А. Шевалеву и др.). В частности, уже после выхода в свет рецензируемого сборника Л. Думер опубликовал в двух номерах нью-йоркской газеты «Форум» статью «Крематорий... для живых. Тайны одесских артскладов»², где привел воспоминания свидетелей событий октября 1941 г. в Одессе: Александра Сапино, Александра Бурштейна и Михаила Заславского, а также воспоминания Александра Каплера, частично опубликованные в книге «История Холокоста в Одесском регионе». Когда мы писали во «Введении» к сборнику, что «только внимательный анализ всего информационного спектра – от академических штудий и архивных документов до эмоциональных и нередко субъективных мемуаров (с учетом вероятной необъективности документа и возможной истинности эмоциональной подачи) – позволяет в наибольшей полноте представить подлинную историю» [с. 4], мы как раз и имели в виду в первую очередь «забытую» историю массовой казни на Люстдорфской дороге.

Л.М. Дусман говорит, что там сгорел его старший брат Борис – но его очерк лишен «научного аппарата». А «международный дискурс» говорит: «Нет, не было такого». Значит, и брата не было? Может быть, и самого Леонида Дусмана? И историка Саула Борового, описавшего этот эпизод в статье «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации», распространявшейся десятки лет, до публикации в 1991 г., в машинописных копиях?³ И соответствующего документа из фондов ГАОО, опубликованного в рецензируемом сборнике [с. 365–369]?

Пока «профессиональные историки», будь то зарубежные или отечественные, не приведут убедительные аргументы, действительно доказывающие, что этой массовой казни не было или что румынский режим непричастен к такому массовому уничтожению, или, в конце концов, не признают этот факт хотя бы в виде обсуждаемой, но вероятной гипотезы, мы сами вряд ли захотим «интегрироваться» в такой дискурс. Лучше мы продолжим интеграцию с Леонидом Дусманом. Без научного аппарата.

² *Форум*. – 2007. – № 158 (16–22 ноября); № 159 (23–29 ноября).

³ *Боровой С.Я.* Гибель еврейского населения Одессы во время румынской оккупации // Катастрофа і опір українського єврейства. – К.: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України, 1991. – С. 118–153.